

На всю хату задребезжал телефонный звонок.

Дзззззззрынь!

Мерзкий, протяжный и обнадеживающий.

Дзззззззррынь! Илья вылетел в кухню-веранду.

Там, на другом конце жаркой комнаты, перед ярким витринным окном на белом столе разрывался настырным звоном желтый дисковый телефон.

Дзззззззррыыыынь!

– Алло? – Первой у аппарата, как всегда, была бабушка.

У Ильи просто не оставалось шансов. Бабушка все время проводила на кухне. То пекла, то варила, то жарила. Это давало ей вечную телефонную фору. Бабушка прижимала трубку к уху плечом: руки у нее по локоть запачкались в липкой муке.

– Да, говорите, алло?

– Это мама? – спросил добежавший Илья.

– Да!

– Это мама?! – обрадовался он.

– Что? Я не понимаю, вас плохо слышно!

– Это мама? – еще раз переспросил мальчик, уже настороженно.

– Что?

– Это...

– Да ты не «что?», нет, не мама. Все, давай, иди гуляй!

– Ладно, – разочаровался Илья.

– Нет, это я не вам. Да, газ: колонка и печь. Газ мы

уплотили уже. Да, квитанции есть! Как не уплотчено?..

Чем продолжился звонок, Илью уже не интересовало. Он протиснулся через бабушку, которая оккупировала своим разговором не с его мамой проем открытой двери, и вышел во двор. Летнее сухое пекло впечаталось в его гладкие детские щеки. Сегодня обещали +35 в тени. Пахло выгоревшей травой, плотной тенью ветвистого грецкого ореха и кроликами. Илья проверил уличный настенный термометр, испачканный белой побелкой. Да, действительно +35.

Бабушка закончила свой деловой разговор и повесила трубку. Она стояла в раскрытых дверях. Пожилая, но сильная яркая женщина в цветочном самодельном халате. Тысячи ее мелких морщинок заплыли кухонным потом. Она громко вдохнула и отпустила из легких весь воздух с тяжелым «Ох!..».

– А кто звонил? – спросил у бабушки Илья.

– Из газовой службы. Нада туда идтить разбираться. Говорят, что за газ не уплотчено...

– А мама когда позвонит? – перебил ее Илья.

– Не знаю, может быть, вечером. Вечером дешевле звонить, ты же знаешь. Может быть, в пятницу. Когда время будет, тогда позвонит.

– Давай мы ей сами сейчас позвоним?

– Ты совсем? Это ж межгород! Нет, сама пусть звонит. Нечего! – безапелляционно сказала бабушка.

Илья поплелся к забору. Спорить было бесполезно. Мальчик знал наверняка, что позвонить не разрешат.

- Со двора – никуда! – прикрикнула бабушка ему в спину.
- Ладно. – Илья не пускали гулять одного. Бабушка говорила, что очень волнуется и будет переживать.

Илья подошел к зеленой дырявой калитке, прислонился к ней лбом. По дороге, догоняя расписание, проехал автобус из города. Сюда мальчика привезли на этом автобусе. И мама, когда мама приедет, тоже поедет в таком.

По другой стороне улицы шли местные мальчишки, человек пять. Они весело, заливисто ржали. У одного слетел шлепанец. Он, шаркая и хромая, догонял остальных. Пацаны возвращались с рыбалки. С длинными бамбуковыми удочками, молочными бидонами и шершавыми пакетами, в которых тащили свой скудный улов. Илья отпрянул от калитки. Ему показалось, будто мальчик без шлепанца его заметил. Но ребятам было слишком солнечно и жизнерадостно в собственной компании, а остальное не имело значения.

Вдруг проснулась и пропищала полдень радиоточка, которая еле держалась рядом с термометром. Проскрипела позывная мелодия, следом диктор пробурчал: «В эфире новости...» То, что сухим голосом говорили по радио, Илья не понимал и не слушал. А бабушка выбралась с веранды и внимательно, с тревогой смотрела на хриплый приемник, кивала в такт поступающей информации, прикрывая рот своей мучной ладонью.

Илья опять посмотрел на улицу. Рыбаки куда-то делись. Через дорогу, сгорбившись по-партизански, перебежал пестрый кот. Потом все застыло. Илья отлип от забора, пошел мимо бабушки. Бабушка заметила его краем глаза, и ее будто божьей искрой стукнуло!

- Ах, у меня ж там... – Бабушка скрылась в бурляще-кипящей веранде.

Илья подошел к уличному крану. С крана свисала свежая капля. На вентиле болталась дедушкина кружка. Илья приподнял ее и открыл воду. Дворовый родник брызнул вниз, в дребезжащее ведро. Ребенок прислонился губами к краешку крана, чтобы попить. Можно успеть сделать пару глотков, пока зубы и десны не свело от холода! Как дед пьет такую холодную кружками – непонятно...

- Не пей сырую воду, слышишь! Возьми из чайника! – Бабушка всегда начеку.

- Я просто умыться! – соврал Илья. Хотя, чтобы обман казался ему правдивее, действительно намочил шею и локти. Посвежел.

Ладно, тут делать особо нечего. Илья обошел вокруг дома, проверил свою базу, которая размещалась под металлической лестницей, приставленной к чердаку. Там все без происшествий, к тому же довольно скучно. Он прошел мимо клеток с кроликами. Милые, но вонючие создания. Везде валялись черные жемчужины их экскрементов. Дальше начался огород: справа – кислая красная смородина, которую вкусно есть с сахаром, – бабушка скажет, что скоро обед и сахара не даст; посередине бесполезная рябина, неспелый виноград; левее вишня, слива и... черешня! Точно! Черешня.

Илья любил черешню. И ягоды, и дерево, на котором они висели. Черешня росла за уличным «нужником» – так его называл дед. С дерева было видно весь огород, бабушкин двор, даже соседский участок. Ягод она давала много, а залезать на черешню легко и удобно. Идеальный наблюдательный пункт, если бы не Белка!

Вообще, они с Илей состояли в хороших отношениях, пока прошлым летом Белка не цапнула с голодухи Илью за руку, когда мальчик принес ей еду. Белку сильно тогда наказали, и, кажется, она поняла, что это каким-то образом связано с мальчиком. Поэтому старалась ребенка к себе не подпускать. Илья тоже остался не в восторге от такой собачьей благодарности за миску с объедками. Будка возрастной дворняги стояла на пути к нужнику, а стало быть, и к черешне. Значит, либо следовать в обход огородом, либо быстро-быстро пробежать, если собака спит.

Илья присмотрелся. Белка лежала в кривом прохладном домике и, кажется, спала. Так. Раз, два, три...

- А-а-а-а-а-а! – Мальчик побежал вверх по тропинке, мимо дурацкой собаки.

Вслед ему послышалось ржавое бряканье старой цепи, которая в момент натянулась, как струна. Бзынь! Раздался нервный пулеметный лай: «Тряф, тряф, тряф, тряф, тряф!»

- Ха-ха-ха-ха! – рассмеялся мальчик, но все же решил обратно вернуться через огород. Заодно можно будет клубнику поискать или зацепить огурец в теплице.

Черешня такая сочная, рыхлая и заслуженно вкусная! Каждая ягода величиной с большой палец на ноге! Шлепки соскальзывали с веток. Муравьи шныряли оголтелыми шеренгами, что-то там предпринимали. Сосед зачем-то поливал огород. Все же знают, поливать в такое пекло – спалишь весь урожай, так бабушка говорила. Илья запихнул несколько ягод в рот. Сорвал две на сросшемся хвостике

и надел это сокровище себе на ухо, как сережку. Съел еще ягоду.

Зазвенела калитка. Дед приехал с травой и велосипедом. Обычно он возвращался до завтрака, но сегодня, видимо, долго косил – привез четыре или пять мешков кроличьей еды. Он завел увешанную мешками «Украину» во двор и прислонил к белоснежной стене веранды. Снял свою кружку с крана, налил воды с горкой и залпом выпил почти до дна! Хрипло, от души крикнул: «Уорх, хорошо!», по привычке сбрызнул капли-остатки в подзаборные бархатцы. Кажется, бабушка что-то пробурчала ему с веранды. Наверное, что стену недавно белила и чтоб он свой «лисапед» не прислонял. А может, что он долго шлялся и что давно обедать пора. Дед встрепенулся, поволол добычу дальше, к крольчатникам. Распотрошил мешки, закинул свежую траву на крышу кроличьих клеток сушиться. Припарковал велосипед в зеленый сарай, закрыл провисшую дверь на шеколду и, шаркая калошами, двинул в сторону Ильи.

– Бека, Бека, Ср-р-р-ракобека! – поприветствовал он родную дворнягу.

Белка прогибалась, дергала круглым хвостом и улыбалась всей своей острой мордой. Собака сильно любила деда, вероятно, больше всех на свете.

Дед зашел за нужник и примостился, как он выржался, «посеять». Илья спустился с черешни, подошел к деду со спины.

– Дед, пошли на рыбалку?

– Илья! Ты? Фрух, напужал! – Дед засмутился, засуетился, закопошился в ширинке.

– Деда, ну пошли на рыбалку!

– Какая рыбалка, пекло такое! Днем рыба спит. Утром нада идти или вечером.

– Давай вечером тогда пойдем?

– Давай пожрем пойдем, Тося зовет. Там борщ и котлеты.

Есть Илье не особо хотелось, но не пойти он не мог. Дед придержал ногой Белку, чтобы Илья смог безопасно вернуться. Но мальчик на всякий случай пробежал мимо пулей. Белка проводила его косым взглядом.

Обедать сели на улице, за самодельный деревянный стол, в скупой тени навеса из прозрачной клеенки. Илья ел неважно. Кажется, черешневый десерт перебил ему весь аппетит. Он оставил полтарелки борща. Бабушка снова запричитала про остатки еды и орех. Мол, если Илья доест до конца, то станет большим и сильным, как грецкий орех. Мальчик искренне верил, ему пришлось поднажать. После котлет и компота дед крикнул, что хорошо поел. Сказал свое нежно-деревенское спасибо.

– Иди уже, – небрежно ответила бабушка.

– Ладно, подрубал маненько – пойду полежу!

Дед устроился на железной кровати здесь же, во дворе. Взял мухобойку, которую смастерил из куска автомобильной шины, и начал свою послеобеденную пассивную охоту:

– Н-н-н-на! О!

Мухи падали замертво.

– Дед, пошли на рыбалку! – опять попытался Илья.

– Да говорю тебе, рано. Рыбы нет! Спит вся рыба.

– Дед поерзал и перевернулся на бок.

– Слышь! Чего ты улегся? Сходи с ребенком на рыбалку! – неожиданно вступилась за мальчика бабушка в повелительном тоне.

– Тося, какая рыбалка? Жарко же, – попытался откреститься дед, – да и удочек у нас нет! Ловить-то нечем.

– Сходи, сходи, ребенок просит! Давай, хватит валяться!

Дед поднялся, сел на кровать. Он тоже знал, что спорить не стоит. Дед даже не знал, а как бы жил с этим всем своим естеством. Такое особое знание проявлялось в его ?-образной осанке и добром, но осторожном взгляде, которым он посмотрел на бабушку Тосю.

– Ладно, давай, собирайся... Пойдем. – Дед бросил на подушку свою смертоносную мухобойку, а сам засеменял в сарай.

Илья зашел в хату, нашел выцветавшую кепку, залез в кухонный стол под телефоном и достал оттуда бидон побольше. Взял четвертинку влажного белого хлеба из эмалированной бельевой кастрюли со звонкой крышкой и пышными астрами по бокам. Во дворе дед прикручивал к длинной, кривоватой палке толстую леску и маленький согнутый гвоздик.

– Вот, смотри, удочка наша! – с гордостью сказал дед.

– А рыба на нее будет ловиться? – с недоверием спросил Илья.

– Еще как будет! – подмигнул дедушка.

Дед с внуком выдвинулись к реке. Идти не так далеко, жара уже начинала спадать, но асфальт нагрелся, словно утюг. Даже шлепки чуть-чуть прилипали. Воздух стал крепким и терпким, как двухдневная заварка индийского черного чая со слонем. По пути дед поприветствовал соседа, который теперь поливал свой сад.

– Здорова, Василь!

– Здорова, Витек!

– Что, поливаешь? – Дедушка знал, поливать слишком жарко...

Откуда-то из зарослей доносилось утиное покрякивание, лягушачье поквакивание и непонятно чье поерзывание. Камыши в какой-то момент расступились, показался кусок чистой заводи.

Дед здесь выуживал ряску. Но сейчас ряска не зацвела, под водой виднелись спокойные, мрачные водоросли.

- Ага, а ты на рыбалку? – Сосед, заядлый рыболов, знал, на такую удочку вряд ли что-то поймается...
- Ага, вот с внуком иду, – оправдался дед.
- Ну, давай!
- Будь здоров!

Дед с внуком подошли к реке. Дальше можно было либо спуститься к самому берегу, через камыши, либо пойти на пешеходный мост, где обычно сидели все рыбаки.

- Пойдем, я знаю место – во! – Дед поднял большой выдавший виды палец вверх. – Там рыбы полно!

Они пошли по тропинке, сквозь запах теплой речной воды и печеного камыша. Откуда-то из зарослей доносилось утиное покрякивание, лягушачье поквакивание и непонятно чье поерзывание. Камыши в какой-то момент расступились, показался кусок чистой заводи. Дед здесь выуживал ряску. Но сейчас ряска не зацвела, под водой виднелись спокойные, мрачные водоросли. Дед размотал свое изобретение. Илья достал хлеб из бидона. Дед насадил на маленький гвоздик кусок горбушки совсем не рыбьих размеров. Размахнулся и запульнул наживку далеко-далеко от берега.

- Теперь нада чуток подождать, – шепотом предупредил дед, усаживаясь на корточки.

Илья набрал в бидон воды, чтобы будущая рыба не задохнулась, и тоже сел на корточки. Солнце

ласкало колени. Ноги выскальзывали из сланцев, касаясь мокрого грязного берега. Илья откусил кусочек хлеба. Ждать и жевать веселее, чем просто так ждать.

- Пора! – Дед встал и потащил свои снасти на берег.

Сначала – за кривой черенок, потом стал жадно выбирать леску руками. Только теперь Илья заметил, у удочки нет поплавка! С чего дед решил, что «пора» – загадка.

- Во, во! Смотри, Илья, поймали! Ура!

На крючке действительно висело что-то блестящее. Дед тянул все активнее и с гордостью поднял над головой на согнутом гвозде большущий шмоток зацепившихся водорослей!

- Ну, как тебе рыба? – торжественно спросил дедушка.
- Ха-ха-ха-ха-ха-ха! – по-летнему заливисто рассмеялся Илья.
- Говорил же! Ну, теперь вся рыба наша! – Дед улыбался желто-золотым ртом с прогалинами, распутывал улов с крючка и выпускал водоросли в бидон.

Дед снова закинул свою суперснасть, снова вытащил водоросли. Во второй раз получилось еще смешнее! Дед продолжал, выуживал на берег то моток длиной с руку, то шепотку – две-три водоросли. Это занятие его очень забавляло. А Илья к такому виду рыбалки начал остывать. Он косился на мост, который было прекрасно видно с заводи. Там потихоньку собирались первые настоящие рыбаки.

- Дед, деда, пошли на мост, там все рыбаки.
- Да зачем нам на мост, смотри, тут вся рыбалка! Вон, полный бидон наловили.

На самом деле дед рыбачить толком не умел. В лежачей охоте на мух он был большой специалист. Но в настоящей рыбалке – полный профан, если не сказать простофиля.

- Дед, ну пошли, пожалуйста, – заныл Илья.
- Ладно, давай. Но на мосту ты сам удить будешь, договорились?

Там деду могли встретиться соседи и товарищи. Сунься он туда с такой вот удочкой с гвоздем, его бы все засмеяли. А Илья, тот что? Ребенок – пусть играет.

- Хорошо, – согласился Илья.

Они поперлись обратно. Илья уверенно шагал впереди со своим бидоном, дед плелся сзади в обрете индифферентного оруженосца.

Мост, сваренный из стальных листов в крупную дырку, сильно вибрировал под весом пешеходов.

Звук громыхал, как паровоз или ансамбль медных тарелок, стучащих вне всякого такта. Здешние рыбаки увесисто шикали на топающих прохожих:

– Да тихо ты! Рыбу распугаешь!

Досталось и Илье. Мост будто загудел тысячекратно под его настойчивой походкой. Мальчик перевесился через перила, уставился в воду. Там стайка темных мальков неподвижно колыхалась около сваи, дрыгая мизерными плавниками. Дед зацепился с кем-то языком. Илья натер хлеб в ладонях и кинул рыбкам. Крошки упали на воду, медленно утонули, потом заметались и исчезли где-то в мальках.

Илья сел на мост. Металл кипел, нужно было немного привыкнуть, переминаясь с ягодицы на ягодицу. Мальчик размотал чудо-удочку, насадил плотный мякиш на кончик гвоздя и закинул к малькам. Мальки благополучно обглодали хлеб и отправили наверх пустой крючок. Илья сделал так опять – без толку. Дед распрощался с собеседником и приблизился к внуку.

– Клюет?

– Нет, – буркнул Илья.

– Ты скажи «Не клюет, а ловится!» – подбодрил его проходящий мимо сосед.

– О, здорова, Василь! Да, да, ловится, ловится! – неловко промямлил дед в ответ.

Василь нес профессиональные удочки, телескопические! Специальную сидушку и даже сачок – на случай внушительного улова.

– Не клюет, а ловится, – повторил магическое заклинание Илья.

Он смял мякиш в маленький шарик, нацепил на крючок и осторожно опустил в воду. Вдруг мальки вспышкой брызнули в стороны. Под водой оказалась спина какого-то обитателя глубин покрупнее. Обитатель в порыве азарта, по неосторожности, по недосмотру схватил наживку! Леска дернулась вниз.

– Тащи-и-и-и! – заверещал дед.

Илья не растерялся, рванул леску вверх. Вжух! На мосту затрепыхалась молоденькая красноперка размером с ладошку. Илья подскочил и затопал ногами.

– Дед! Смотри! Это я поймал! Я рыбу поймал! Моя первая рыба! Дед, деда! Смотри! – визжал Илья.

Дед неуклюже прыгал, пытаясь накрыть красноперку ладонью. Схватил бедолагу и отправил в бидон, к мрачным водорослям.

Домой Илья не шел – летел! Он поглядывал на свою рыбку, поэтому немного спотыкался. Дед за ним едва попевал. До забора оставалось еще метров сто, а Илья уже вопил:

– Бабушка, бабушка! Я рыбу поймал! Бабушка, слышишь, я рыбу поймал!

У калитки его нагнал дед, помог ему открыть. Илья бережно держал бидон с уловом. Бабушка вышла с веранды навстречу.

– Бабушка, слышишь, я рыбу поймал! – Мальчику мешала одышка.

– Ильюшенька, мама звонила, – осторожно ответила бабушка, – Теперь сказала, через неделю перезвонит...

– Мама... – Илья не смог ничего произнести.

Шея разбухла изнутри, в голову ударил пульс и холод. По щеке покатился кристаллик детской слезы. Илья с силой вцепился в бидон.

– Ильюша, Ильюша, – запричитала бабушка, потянула к нему руки, хотела обнять.

– Вы... Все... – Илью снова что-то придушило.

Бах! Бидон ударился об асфальт! Ребенок вырвался от бабушки и побежал прочь, рыдать в огород.

Дед молчал, бабушка качала головой, бидон валялся на мокром асфальте, красноперка скакала по двору в предсмертной агонии. Вечером ее скормили коту-партизану.

Берлин, июль 2021 года

